

Евгений Косенков

*Рядовой
стрелок*

12+

Евгений Косенков

Рядовой стрелок

«Автор»

2017

Косенков Е.

Рядовой стрелок / Е. Косенков — «Автор», 2017

Начало Великой Отечественной войны. Белоруссия, 1941 год. Судьба красноармейца 85 стрелковой дивизии, которая была переброшена в Гродно в мае 1941 года и приняла первый бой 22 июня. Отступление, контратаки, прикрытие отхода, рукопашные схватки, плен, побег и смерть. Реальные события в художественном изложении.

© Косенков Е., 2017

© Автор, 2017

Евгений Косенков

Рядовой стрелок

РЯДОВОЙ СТРЕЛОК

*Памяти брата моей бабушки
Чернова Алексея Степановича.
Посвящаю всем моим родственникам,
бойцам и командирам, встретившим
врага лицом к лицу в первые дни
Великой Отечественной войны*

Предисловие

Всю жизнь мои родственники искали следы пропавшего без вести младшего брата бабушки Алексея Чернова. Отрывочные сведения о его судьбе удалось собрать общими усилиями, но они не смогли пролить свет на главное, что случилось с ним. Давно уже нет в живых сестер Алексея Чернова и моего деда Косенкова Василия Алексеевича. В апреле 2017 года ушел из жизни отец.

Мои поиски увенчались успехом. Удалось восстановить место службы, воинское подразделение, боевой путь и некоторые сведения личного характера. За что огромное спасибо всем моим родственникам, которые поделились сведениями.

После долгих поисков, переписок с музеями и архивами России, Германии и Белоруссии выяснилось очень многое. Данное произведение является историческим экскурсом в прошлое с реальными событиями и реальным человеком под своим настоящим именем.

Перебрав несколько вариантов подачи материала, пришел к выводу, что мне надо прожить все ситуации, слившись с моим героем. Порою, я терял чувство реальности и жил реалиями 1941 года. Я видел мир глазами Алексея, чувствовал, переживал, ощущал боль. Почти год у меня болели правое плечо и рука, словно отбитые прикладом винтовки. Запах крови, тола, смерти до сих пор преследуют меня, не собираясь отпустить. Два года работы, два года «моей войны», надеюсь, были не зря.

Евгений Косенков

Пленные красноармейцы. Лето 1941 года. Фото из интернета.

«Застигнутые врасплох в районах своей дислокации, одновременно поднятые по боевой тревоге, находясь под непрерывными ударами авиации противника, войска ЗапОВО не смогли занять предназначенные им по плану прикрытия полосы обороны и были вынуждены принимать бой на неподготовленных участках местности.

Слабые силы прикрытия стрелковых дивизий, находящиеся на оборонительных работах у границы, долго противостоять сильнейшему натиску врага не смогли. Обойденные со всех сторон батальоны дрались в полном окружении и были буквально сметены превосходящим по силе противником.

Бои носили очаговый характер, борьба шла за каждую деревню, за каждый населенный пункт, за каждую пядь земли. Создать единый фронт обороны не удалось, войска ЗапОВО вступали в бой разрозненно, несли большие потери. Из-за внезапности нападения возникло неизбежное замешательство, неразбериха. Некоторые штабы частей стали запрашивать вышестоящие штабы: "Что делать?"

Р.С. Иринархов

Западный особый... Минск, Харвест, 2002

«На южной окраине города Гродно, у подножия старинного земляного форта конца XIX века стоит памятник бойцам и командирам 85-й стрелковой дивизии, принявшим бой в первые дни Великой Отечественной войны, погибшим, но не побежденным. Памятник одновременно прост и величественен: на двухметровый курган из камней, окруженный незамысловатой оградой, водружен православный крест. Мемориал воздвигнут относительно недавно: так случилось, что долгие годы подвиг тех, кто первыми встретил врага на западных рубежах нашей Родины, был незаслуженно забыт. Да и сегодня не многие знают, что происходило здесь в далекие шоньские дни 1941 года...»

Александр Севенко.

85-я Челябинская стрелковая дивизия в июне 1941

Первый день войны. Самый долгий день, самый страшный и жестокий, сломавший в судьбах людей все, что они планировали на ближайшее время и годы вперед. Огромная объединенная армия Европы нарушила границы первого социалистического государства. Пограничные заставы до последнего патрона, до последней капли крови вели бой и погибали. Армии, расположенные близко к границам, тоже вступали в бой и под натиском сильного врага с кровопролитными боями отступали.

Сон почему-то не шел. Луч от прожектора скользнул по спящим вчерашним бойцам РККА, а сегодня военнопленным, но все равно бойцам Красной Армии. Где-то недалеко лаяли овчарки. Темная октябрьская ночь в Польше. Все словно во сне. Не мог Алексей себе представить, что с ним произойдет именно такое. Тело болело от побоев. В полдень немецкий офицер упражнялся на нем, ведя допрос и пытаясь склонить служить великой Германии. Это был уже третий допрос после побега.

Откуда они могли знать, что отец был раскулачен советской властью? Что пришлось поехать по Руси-матушке, прежде чем нашлось место, где он с матерью и тремя сестрами нашел себе пристанище. Руки-то с детства были приучены к работе, и любое дело у него не вызывало проблем.

Офицер долго и настырно давил на то, что Алексей должен отомстить за смерть отца и за свою горькую участь.

– Кто такое мог обо мне сказать? – стараясь не выдавать эмоций, задал вопрос Чернов.

– Мы много знаем, – серьезно ответил немец. – У тебя есть возможность жить. Твоя Родина отобрать у тебя все, а потом кинуть погибать.

– Такая уж моя Родина, – ответил Алексей офицеру и посмотрел ему прямо в глаза. – Родину не выбирают, и Родину не предают.

– Мы предлагаем с помощью Германии освободить твою Родину от большевиков.

– Вы хотите, чтобы я воевал против своего народа?

– Коммунистическая пропаганда! – резко ответил тот и занес кулак для удара, но почему-то в этот раз передумал. – Глюпо... Увести.

Неужели кто-то из своих рассказал о раскулачивании? Но Алексей, вроде бы, ни с кем об этом не говорил. Странно, откуда все-таки офицер об этом узнал? Или решил наугад? Или что-то все же знает?

Огромное количество вопросов без ответов...

На небе ни звездочки. И ветра почти нет. Зябко. Осень все-таки. И состояние непонятное: то ли тревога, то ли еще что-то. Путались мысли, вызывали головокружение и слабость. Поехался от холода и прижался спиной к спине Степана. Вместе служили, вместе воевали, вместе попали в плен, и вот вместе в лагере военнопленных. А вот Иван... в первый день войны, 22 июня...

По приказу командира дивизии спать ложились в гимнастерках. Много шутили по этому поводу. Настроение отчего-то было приподнятое, но ощущение тревоги ощущалось во всем. Война, о которой говорили как о чем-то неизбежном, но далеком, становилась близкой и осязаемой.

Иван лежал на кровати и смотрел вверх, в потолок, закинув руки за голову. В глазах стояли слезы.

Чернов тронул его за локоть.

– Убьют, Лешка, меня завтра. Чувствую, убьют.

– Вань, перестань. Никто своей судьбы не знает и не может чувствовать, что завтра погибнет.

– Может, Лешка, может, – Иван резким движением сел на кровати и схватил Чернова за руки.

– Завтра война, Лешка. Война. Уже завтра! И я чувствую, что мне осталось совсем немного дышать этим воздухом, ходить по этой земле, общаться с вами, друзьями. Спой, а? Спой.

– Вань, но...

– Спой, – в его голосе было столько твердости, что отказать Алексей не мог.

Гармошка раскрылась в умелых руках, и полилась популярная «Рио-рита».

– Нет, – Иван остановил друга. – Другую, про могилку...

Алексей увидел в глазах друга такое, что возражать не стал, и затянул:

Как в саду при долине

Звонко пел соловей,

А я мальчик на чужбине

Позабыт от людей.

Песня словно накрыла всю казарму. Игривость и смешки в один момент исчезли.

Ох, умру я, умру я,

Похоронят меня.

И никто не узнает,

Где могилка моя.

Песня стала неким переходом из мирной светлой жизни в непонятное, тогда еще смутное, завтра.

Запоет и заплачет,

И опять улетит.

И никто не узнает,

Где сиротка лежит.

– Ну вот, всю душу разбередили, – буркнул кто-то издалека. – Теперь точно не усну.

Кое-кто из сослуживцев подходил к гармонисту во время пения, и теперь молча, со своими нелегкими думами расходились обратно, к своим кроватям.

– Спасибо, Лешка.

Иван грузно свалился в кровать и закрыл лицо подушкой.

Чернов еще несколько минут сидел с гармошкой в руках, находясь под впечатлением и от песни, и от сказанных Иваном слов. Медленно снимая ремешки инструмента, он подумал о своих родных, оставшихся в далеком Буготаке, о муже сестры Фимы Василии, с которым его развела судьба весной 1940-го. Он сейчас где-то в Заполярье.

Долго лежал с закрытыми глазами и лишь под утро задремал. Проснулся от содрогания земли, далеких глухих разрывов, натужного воя самолетов где-то в вышине.

Иван не спал.

– Вот и началось... – чуть слышно прошептал он, – утро последнего дня.

– Подъем! Батальон в ружье!

Чернов собрался быстро и хотел уже бежать на улицу, как взгляд упал на гармошку. Недолго думая, сгреб ее подмышку и помчался из казармы.

Полк покинул место расположения и спешным шагом двинулся к границе, к точке боевого развертывания дивизии на случай войны.

Двигались молча, настороженно озирались по сторонам. Казалось, что отовсюду доносились взрывы. Полк поднимался на один из пригорков, когда в небе появились низко летящие с каким-то цепенящим гулом вражеские бомбардировщики. Несмотря на предрассветный сумрак, очертания самолетов хорошо различались. Красноармейцы, задрав головы, с тревогой смотрели вверх. Самолеты прошли мимо, а через некоторое время раздались взрывы в районе их казарм. Местечко Сола в мгновение ока превратилось в место сосредоточения авиаудара. И

как-то сразу рассвело. Земля, казалось, не успевала опадать вниз, как следующий взрыв подбрасывал ее вновь. Что могло гореть – горело. Полк с ужасом смотрел на страшное действо. За первыми самолетами потянулись следующие, которые уже бомбили сам город Гродно. Они выстраивались в цепочку друг за другом и с диким воем, как на учениях, бомбили, бомбили, бомбили. Зенитки почему-то долго молчали. И враг безнаказанно делал все, что хотел. К тому же создавалось впечатление, что немцы знали, что и где бомбить. Казармы полка в лагере Солы, в пригороде были уничтожены точными бомбовыми ударами первой волны самолетов.

Впереди шли бои. Полк двигался к выделенной линии обороны на участке Лососна – Колбасино, а грохот сражения шел им навстречу. Немецкие бомбардировщики еще несколько раз проплывали на восток со смертоносным грузом, натужно и тяжело гудя. Место обороны находилось в трех километрах западнее Гродно. 85 стрелковая дивизия находилась во втором эшелоне прикрытия 4 стрелкового корпуса 3 армии.

– А ведь ушли мы без приказа... – рядом с Черновым стоял командир роты. – Останься там, нас бы уже не было... Спасибо комдиву.

И вдруг бойцы радостно закричали. Один из бомбардировщиков, оставляя за собой черный хвост, начал заваливаться и уходить от города как раз в сторону полка. Через некоторое время от падающего самолета отделилось белое пятно.

Командир роты что-то сказал лейтенанту Федюшину.

Комвзвода позвал к себе трех бойцов и, оглядываясь вокруг, встретился взглядом с Алексеем.

– Чернов, со мной. Старшина, как придете на место, готовьтесь к бою, – бледный лейтенант говорил уверенно и твердо.

– Степа, гармошку возьми.

Лейтенант проводил глазами передаваемую из рук в руки гармошку, но ничего не сказал. Федюшин на ходу объяснил задачу.

– Парашютиста надо взять живым и доставить на КП дивизии. Ясно?

Летчика долго искать не пришлось. Парашют лежал посреди поля, а раненый немец далеко уползти не смог.

Сопротивления не оказывал, был без сознания. Двое подхватили его под руки и потащили на КП дивизии.

Сбитый летчик был майором и вел себя нагло и вызывающе. Хорошо говорил по-русски. Оказалось, что он обучался в летной школе в Советском Союзе до войны. Под летной формой на нем был гражданский костюм.

– Эт чего, братцы, получается? Мы их сами выучили? – проговорил немного растерянно один из красноармейцев.

Ему никто не ответил. Алексей смотрел на немецкого майора, но злобы не было. Лишь огромное желание убить этого холеного и наглого немца. Винтовка медленно поднялась до уровня груди.

Чья-то твердая рука не дала передернуть затвор.

– Не надо, Чернов. Не сейчас.

Алексей также медленно опустил винтовку.

– Спасибо, бойцы, за летчика, – комдив генерал-майор Бондовский пожал всем руки. – Тебе, лейтенант, особое спасибо. Молодец.

– Служу трудовому народу, – вытянулся в струнку Федюшин.

– А теперь на позиции. Надо устоять. Давайте, сынки.

Было 22 июня около семи часов утра.

К позициям добирались бегом и видели, как раз за разом заходят на окопы полка самолеты и, отбомбившись, уползают на запад.

Присоединиться к своим товарищам удалось лишь после окончания авианалета.

Чернов смотрел на изрытую, вспаханную разрывами землю. Чувство ненастоящего, какой-то нереальности не покидало его. Словно это были очередные учения, и они скоро закончатся.

Рядом окапывались красноармейцы другого полка их дивизии, 103-го.

– Лешка! Чернов!

Алексей оглянулся на окрик, отложил лопатку и пошел навстречу земляку. Виктор Коломенцев тоже призывался из Новосибирской области. Познакомились, когда Чернова перебросили с Дальнего Востока в Челябинск в 85 стрелковую дивизию осенью 1940 года.

Они крепко пожали друг другу руки. Закурили.

– Из дома давно письма получал?

– Давно, двадцатого сам отправил.

– Говорят, что в 27 и 56 дивизиях много убитых, в нашу сторону должны отходить, – Виктор глубоко затынулся и как-то сразу осунулся после своих слов.

– Немцы! К бою! – раздался громкий голос, и копошащиеся красноармейцы на мгновение замерли, глядя на далекие серые фигурки.

– К бою, ребята, к бою! – лейтенант пробежал вдоль окопов.

Но фигурки не спешили идти в атаку. Вскоре стало ясно, почему. На позиции дивизии уже шли немецкие штурмовики и бомбардировщики. От ужасного воя пикирующих самолетов закладывало уши, становилось страшно до такой степени, что хотелось бросить все и бежать, куда глаза глядят, лишь бы не слышать этого страшного звука. Кого-то сковывал страх, и они истуканами стояли, завороженные налетающими вражескими самолетами, а кто-то бездумно бежал сломя голову, не зная зачем и куда. Другие вжимались в землю, срастались с нею, надеясь, что она защитит. Взрывы, пожары, смерть. Первые часы войны, первые погибшие и раненые...

Алексей нырнул в чужой окоп, не рискнув бежать до своего.

Рядом с ним оказался Сулеев (как звать по имени, не помнил) – молодой солдат, недавно призванный на службу. Сквозь грохот разрывов Чернов услышал слова молитвы и невольно приобнял красноармейца за плечо. Тот благодарно тронул Алексея за рукав и продолжал молиться. Авиационную бомбежку сменила артиллерия.

Сколько по времени длилась артиллерийская канонада, сказать сложно. Но как только стихло, Алексей рванул по-пластунски к своему окопчику. Только тишина оказалась недолгой. В воздухе засвистели мины. Одна разорвалась далеко впереди, другая слева, третья ухнула сзади, совсем рядом, и осыпала Алексея землей. Немного оглушенный Чернов почувствовал, что рядом упало что-то мягкое. Подняв голову и взглядевшись, отпрянул. Человеческая рука с окровавленной частью рукава лежала прямо перед ним. Что-то заставило Алексея оглянуться назад. Окоп, из которого он недавно ушел, был разворочен миной. Прямое попадание. А люди?.. От них остались лишь разбросанные в округе останки тел и куски обмундирования. Чувство настоящего исчезло. Все происходило будто не с ним. Заворожено глядя на зияющую вместо окопа воронку, с трудом осознавал, что все это наяву.

– Чернов! Мать твою! – услышал Алексей чей-то знакомый голос. – В окоп! Немцы!

С трудом приходя в себя, он увидел цепь немецких солдат. А когда перед ним пули подняли земляные фейерверки, резко метнулся к своему окопу.

– Цел? – спросил Иван, пристально оглядывая Алексея.

– Их всех... а я... у них был, – пробормотал он в ответ.

– Вот они, Лешка, немцы...

Чернов перезарядил винтовку и выглянул за бруствер. Им овладело неожиданное и полное спокойствие. Спокойствие и злость. Злость за погибших ребят, за начавшуюся войну, за перечеркнутое будущее, которое теперь становилось совершенно неясным и туманным. Взяв на прицел ближайшего врага, мягко спустил курок. Не попал. Прицелился снова. Немец,

словно пытаюсь развернуться назад, стал падать в траву. И снова: нашел цель – выстрел, нашел цель – выстрел.

Из этого состояния его вывели горячие брызги крови в лицо. От неожиданности дернулся назад и увидел оседающего в окопе Ивана. Осколок мины раскроил ему голову. Алексей тупо смотрел, как безжизненное тело друга медленно сползает на дно окопа, и ощущение реальности вдруг остро, со всей своей жесткостью, ударило по вискам и сильным жаром растеклось по всему телу.

Степан перевернул Ивана лицом вверх и зачем-то пощупал пульс.

– Доложить о потерях! – раздалось недалеко.

Алексей вздрогнул. С его лица теперь уже навсегда сошла приветливая мирная улыбочка. Суровость и жесткость подернули все черты, словно довоенная маска была заменена на другую, военную.

– Что тут у вас? – в окоп заглянул старшина Авдеев и, не дожидаясь ответа, добавил. – Вот оно как... Соломин, значит.

Алексей молча кивнул.

– В соседнем окопе всех троих. Миной. Прямое попадание. Один из них Сулеев.

Чернов говорил и удивлялся изменившемуся голосу с призывком металла и злости.

Старшина глубоко и горько вздохнул.

– Шишнадцать погибших за короткий бой, а я ишо не во всех окопах был, – тяжело проговорил он, ни к кому конкретно не обращаясь. И так же быстро исчез, как и появился.

Затишье оказалось недолгим. С запада, закрывая собой все небо, ползла черная громада немецких бомбардировщиков, словно огромная туча со смертельным губительным дождем. Гул нарастал. Вскоре стало понятно, что эта огромная туча пришла по их души. Как стервятники, самолеты один за другим начали срывать вниз и накрывать позиции войск смертоносным грузом. Земля рванулась на дыбы, будто пытаясь прикрыть собой все живое.

Осколки противно свистели, искали свои цели. Казалось, что весь мир восстал и перемешал в себе все, что движется и не движется. И полное ощущение того, что никого уже больше нет, ты остался один. Страх начинает ледяным языком лезть в душу и шептать: «Надо бежать». Авианалет плавно сменился артиллерийской подготовкой и минометным огнем. Задача врага понятна – уничтожить живую силу, облегчить задачу пехоте. Сила артиллерийской канонады ослабла, и Алексей услышал шум со стороны врага. На позиции полка ползли танки, за ними укрывались солдаты.

Эту атаку дивизия не выдержала и начала отход на юго-восток. Моторизованные части врага, не считаясь с потерями, упорно лезли вперед. Танковая мощь оказалась не под силу пехотинцам.

Во второй половине дня 29 танковая дивизия полковника Студнева сумела восстановить положение и позволила отступившим полкам занять новые позиции. 141 стрелковый окопался на рубеже реки Лососна. Вот только батальоны уже превратились в роты.

Немцы не преследовали. Зато до самого вечера авиация не давала покоя. Дивизия прочно держала рубеж. Вечером из штаба армии поступил приказ отходить. Под покровом ночи обескровленные полки потянулись по дороге на Свислочь. Город оставался врагу. Сигналом для отхода частей стали взрывы складов и важных объектов по реке Неман и в юго-западной части Гродно. Город, охваченный огромным пламенем, словно подпрыгнул и долго провожал отступающих скорбным и немим укором.

Усталые, подавленные случившимся, красноармейцы, молча, шли мимо разбитой техники. Дорога на Свислочь была забита разбомбленными и сожженными автомашинами. Лежали обгорелые и разорванные взрывами тела, которые никто не убирал.

Чернов смотрел на темные силуэты погибших и не мог проглотить вставший у горла комок. Смерть царила всюду. Воздух был пропитан ею, сталью, гарью и кровью. И он, рядо-

вой стрелок РККА, ничего не может с этим поделать. Он плетется, тяжело передвигая ноги, в колонне, как и все остальные, оставшиеся в живых, и думает о пище и отдыхе. И это было только начало...

Утро встретило их на марше. Недобрым оказалось оно, это утро. Немецкие штурмовики и бомбардировщики не давали покоя, сменяя друг друга, бомбили и расстреливали колонну. С каждым их заходом потери личного состава росли. Оказалось, что раненых не на чем везти. Несли на руках. Частые налеты заставляли разбегаться, прятаться. Все эти рассредоточения и построения изматывали морально и физически. Около восьми утра дивизия вышла на свой новый рубеж обороны, реку Свислочь. Но были потеряны почти все тылы. Автоколонна с припасами со складов из Гродно была уничтожена противником. Дивизия перешла на сухой паек из сухарей и концентратов. Ко всему прочему остро встал вопрос по обеспечению боеприпасами.

Немцы не давали оборудовать рубеж как следует. Бойцы урывками работали под бомбежкой и обстрелами самолетов.

Клонило ко сну. Но Алексей понимал, если не будет укрытия, то следующего дня можно уже не встретить. Вместе со Степаном они соорудили небольшой окоп и поочередно пытались немного поспать.

До самого вечера 23 июня ни пехота, ни танки не появлялись. Но как хищники кружили круглые сутки над головами немецкие штурмовики. Второй день войны, охая и ухая, клонился к закату.

Еще было темно. Немного знобило. Голова слегка побаливала. Чернов закрыл глаза. Воспоминания всплывали одно за другим.

Год назад эшелон летел на Дальний Восток, отрезая его от гражданской жизни. Теперь эшелон спешил на запад. Из теплушек, заполненных красноармейцами, звучали песни, перемежаясь с залиистой веселой игрой гармошки.

Алексей подолгу сидел у приоткрытой двери и смотрел на пролетающие мимо красоты Родины. Озера, леса, поля – ширь-то какая! Потертая старая гармошка в его руках жила особенной жизнью. То вздыхала, то грустила, то залиисто пела, раздувая меха, словно ей не хватало воздуха. Вместе с ней болело и пело, грустило и радовалось сердце Алексея.

Очень скоро должен показаться Новосибирск, и может удастся увидеть родных сестер и мать. Вот уже и Мошково пролетели, отсюда 15 сентября 1939 года их призвали с Василием, мужем сестры Фимы. В один полк даже попали. И едет он в соседнем вагоне. Вася стал станковым пулеметчиком. Его потом определили в другой батальон. Вообще-то и полк, и дивизия остались в месте постоянной дислокации, в Спаске-Дальнем. А их, несколько батальонов из разных частей, собрали в сводный отряд и отправили на запад. А что ждет там, на западе, неизвестно.

Алексей улыбнулся своим воспоминаниям.

В Новосибирске остановки не было, и эшелон прошел мимо вокзала и перрона, заполненного людьми. Ему казалось, что он слышал, как кто-то кричал его имя, а может, это кричали имя другого, но голос казался знакомым и родным. Сердце бешено билось. Тогда хотелось верить, что звали и искали именно его. Глаза металась по толпе в надежде встретить знакомые лица, будто прикоснуться к родному и дорогому. Но никого встретить так и не получилось. Видно, так распорядилась судьба.

Василий тоже искал родных. У него в январе 1940 года родилась дочка. Назвали Ниной. Подросла уже.

Чернов сильно закашлялся, и проснувшийся Степан плотнее прижался к нему, чтобы согреть друга.

«Сейчас октябрь 1941-го. Значит, ей уже год и девять месяцев. Большая племяшка выросла. Увижу ли я тебя? Понянчусь ли? Дай Бог прожить тебе долгую и счастливую жизнь», – думал Алексей, а сердце рвалось домой, на родину.

На каждой станции они с Василием переговаривались, шутили, смеялись, вспоминали родных.

Где-то на Урале, когда все спали, эшелон разделили. Вагон с Василием ушел дальше на запад, а их отцепили и оставили на какой-то станции.

Этой станцией оказался Челябинск. Отсюда в апреле 1941 года рядовым стрелком в составе 141-го стрелкового полка 85 стрелковой дивизии Алексей Чернов отправился в Белоруссию, в город Гродно. В места, которые были отобраны у Польши и присоединены к СССР в 1939 году. В мае дивизия влилась в 4 стрелковый корпус 3 армии Западного Особого военного округа. Так началась тревожная приграничная служба.

Внезапно Алексей поймал себя на мысли, что вспоминает все произошедшее, как человек со стороны. Словно от третьего лица смотрит на события, которые на самом деле произошли с ним. Воспоминания, будто чей-то рассказ о нем, об Алексее Чернове...

– Лешка, у тебя, похоже, жар, – Степан встревожено смотрел ему прямо в глаза.

– Уже утро, – проговорил Алексей, с трудом шевеля пересохшими губами.

– Степа, все нормально, немного отлежусь и встану.

– Сейчас, Леш, я воды принесу.

«Какое сегодня солнечное утро, на небе ни облачка. И кажется, что война просто при-
снилась. И вообще, лежу я сейчас в высокой траве на берегу речки Иня, смотрю в небо на пролетающих птиц, слушаю плеск волн и шепот ветра. Через мгновение встану, возьму косу и на пару с Василием начну укладывать траву в валки легкими отточенными движениями...», – очередные воспоминания вновь перевернули все в душе.

– Попей, – Степан вернул его из забытья и приподнял голову.

Сделав несколько глотков, обессилено уронил голову. В висках появилась боль, во всем теле ощущалась слабость.

Степан мрачно смотрел на Алексея, прекрасно понимая, что ничего хорошего того не ждет.

Глаза закрылись сами. Еще вчера Чернов чувствовал себя вполне нормально, а сегодня...

«Что ж, в плен попали летом. Теплых вещей у нас нет. Сапоги немцы не носили, поэтому никто их с пленных не снимал. Были босые, но это те, которые не успели обуться или еще по каким-то причинам остались разутыми. А ведь ночи уже прохладные, осенние. К тому же спать приходится на земле,» – ощущение безысходности давило, лезло в душу...

– Степан, ты здесь? – очнувшись из небытия, позвал я друга.

Голова была тяжелой, чувствовался жар, на лбу выступил пот, силы ощутимо таяли. Легкий осенний ветерок пытался ворошить немного отросшие слипшиеся грязные волосы.

Алексей с трудом приподнялся на локтях и тут же упал обратно. Военнопленных было очень много. Уставшие, измученные, подавленные...

Совсем не так они представляли эту войну. Реальность оказалась другой, страшной и непонятной.

Из памяти выплывали отрывки событий, а то и целые эпизоды с протяженностью в день. Воспоминания наслаивались, расплывались, смешивались с довоенными. Некоторые дни оста-

лись четкими, с мельчайшими деталями, другие казались слепленными из нескольких. И жил в них и воевал совсем другой Алексей, из такого недалекого и в тоже время далекого прошлого...

23 июня весь день немецкие самолеты не давали обустроить рубеж обороны. То бомбардировщики, то штурмовики, сменяя друг друга, постоянно висели над головами.

Сидя в недорытом окопе, они со Степаном успели почистить винтовки, пожевать сухари и постепенно углубить укрытие. Налеты самолетов уже не вызывали у Алексея чувство животного страха, а после пережитого за сутки он даже смог немного поспать, проваливаясь от усталости в сон минут на пятнадцать. Пока авиация бомбит их позиции, можно не опасаться атак немцев. Чернов ощутил некое презрение к смерти. Он не боялся погибнуть. Возможно, что это все лишь из-за произошедшего вчера. Столько всего вместилось в один, пусть и в самый длинный день в году. Но событий оказалось больше, чем почти за всю прошедшую жизнь. Голова немного болела от переживаний, грохота, визга, впечатлений и вообще всего, что произошло за эти последние сутки. Он закрывал глаза, а перед ним сидел Иван, каждый раз повторяя всего одну фразу: «Завтра меня убьют». Дальше было словно в кино: обрыв пленки и дорога, разбитая, разбомбленная, с брошенными повозками и орудиями, сгоревшими и выведенными из строя автомашинами, убитыми лошадьми и людьми... За короткий некрепкий сон Алексей проходил по этой дороге несколько раз. Почему-то снились дорога и Иван со своей фразой, а не первый бой, не воронка на месте окопа, не части людских тел после артиллерийского и минометного обстрелов, не десятки погибших сослуживцев. Чем можно это объяснить? Алексей не знал тогда, не знал и сейчас.

Кругом царствовала смерть, словно собирала то, что не успела собрать раньше.

– Эй, бойцы! – послышался окрик сверху.

Степан и Алексей разом подняли головы и увидели хмурое темное лицо красноармейца.

– Держите, – протянул он к ним в окоп руку с двумя небольшими черными эбонитовыми футлярами. – Приказано раздать всем. Внутри бумажка, надо будет заполнить.

Боец исчез, а на ладони Алексея лежали смертные медальоны.

– Я не буду заполнять, – резко сказал Степан. – Тогда точно убьют!

Алексей молча открутил крышку, вынул бумагу. Неторопливо прочел, что там написано и спокойно заполнил графы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.